

КИЕВСКИЙ РЕЖИМ не оставляет попыток уничтожить Украинскую православную церковь. В своей сатанинской злобе нацисты демонстрируют неимоверную жестокость и цинизм. Так, в отобранном храме Кирилла и Мефодия в городе Умань (Черкасская область) власти устроили склад. Прихожан у раскольнической ПЦУ всё равно нет, чего добру пропадать. И секретарь синодальной богословско-литургической комиссии ПЦУ Андрей Дудченко не увидел ничего страшного в переоборудовании храма в склад. "Ну не туалет же сделали, всё-таки", — написал он. Подчеркну, это заявляет человек, называющий себя священником.

Мало того, если бы он был не то, что священником, а хотя бы христианином, то не оправдывал бы превращение храма в склад и, тем более, не издевался бы.

Так можно оправдать любое зло: пришли какие-то молодчики, людей побили, храм отобрали, но ведь не убили же! По версии Дудченко, община превращённого в склад храма ещё должна властям и раскольникам спасибо сказать.

При этом раскольники недавно на униатов обиделись. Дело в том, что в этом году исполняется 400 лет со дня смерти Иосафата Кунцевича, и Украинская греко-католическая церковь широко празднует это юбилей. Для униатов — "апостол единства и символ УГКЦ". Оно и понятно, уния насаждалась кровью, насилием и обманом. Именно на этом поприще и "потрудился" Кунцевич.

Родился он в 1580 году на Волыни в семье православных, в крещении был

люди знают, где Христос

Захваченные ПЦУ храмы пустеют

назван Иоанном. Его отец был то ли не-богатым купцом, то ли сапожником. Ещё подростком, вскоре после Брестской унии 1596 года, Кунцевич переехал вместе с родителями в Вильно. Около 1604 года он был пострижен в монашество с именем Иосафат, а в 1618 году стал униатским архиепископом Полоцка. Именно на этой должности начал страшные гонения на православных. На Кунцевича поступали многочисленные жалобы со стороны православных, где он обвинялся в различном рода зверствах. Так, в 1623 году в Варшаве состоялся сейм, на котором выступил православный шляхтич Лаврентий Древинский. Потребовав прекратить преследования православных, он сказал: "Мы ничего не просим, кроме того, что уже более 600 лет нам принадлежит, что, как святыню, всегда сохраняли нам польские короли, что утвердил за нами и сам нынешний король своею присягою при своём воеводстве на престол, и самим делом предоставив нашему патриарху посвятить нам митрополита... В Литве Полоцкий архиепископ 5 лет уже держит запечатанными православные церкви Орши и Могилёва. Граждане полоцкие и витебские, которые не могут иметь в городе, по запрещению того же архиепископа,

ни церкви, ни даже дома для отправления своего богослужения, принуждены по воскресным и праздничным дням выходить для того за заставы в поле, да и то без священника, так как ни в городе, ни близ города им не позволено иметь своего священнослужителя... Наконец, вот дело ужасное, невероятное, варварское и свирепое: в прошлом году в том же литовском городе Полоцке тот же апостат-епископ, чтобы ещё более досадить горожанам, намеренно приказал выкопать из земли христианские тела, недавно погребённые в церковной ограде, и выбросить их могил на съедение псам, как каку-нибудь падаль".

Дошло до того, что гетман Ян Сапега, сам сторонник унии, отреагировал на жалобы и сделал Кунцевичу выволочку: "Когда насилуете совести людские, когда запираете церкви, чтобы люди без благочестия, без христианских обрядов, без священных треб пропадали, как неверные, когда своеволю злоупотребляете милостями и преимуществами, от короля полученными, то дело обходится и без нас; когда же по поводу этих беспутств в народе волнение, которое надобно усмирять, тогда нами дыры затыкать होते!.. Печатать и запирать церкви и

ругаться над кем-либо ведёт только к пагубному разрушению братского единомыслия и взаимного согласия".

В результате зверства Кунцевича привели к тому, что во время его визита в Витебск местные жители при поддержке Виленского братства и казаков забили этого изувера насмерть. В 1867 году папа Пий IX провозгласил Кунцевича "святым".

СУНИАТАМИ понятное дело: деспотиями на Западной Украине культивировали бандеровщину и 10 лет назад устроили кровавый майдан в Киеве. Если до 2014-го униаты воспринимались как такая особая галицанская церковь, то после майдана и гражданской войны в Донбассе их храмы появились в Харькове, Запорожье, Одессе... Уния возникла как инструмент уничтожения Православия, такимым инструментом она остаётся и по сей день. Но чествование Кунцевича возмутило ПЦУ. "Клирик" ПЦУ Виктор Мартыненко написал: "При всём моём уважении к братьям-католикам, приверженности межконфессиональному миру и диалогу, меня глубоко смущают и возмущают показательные почитания годовщины смерти одного церковного деятеля, которую помпезно

празднуют в эти дни. Фанатик, маниакальной жестокости которого удивлялись даже единомышленники, сегодня почитается как апостол единства. Вы серьёзно? Тот, кто из ненависти к православному даже мёртвых выкапывал и выбрасывал псам, "апостол единства"? Преследования, погромы, религиозная нетерпимость, надругательство над святынями — это наследие бешеного полоцкого архиепископа. Неужели он сейчас нам нужен?" — написал Мартыненко.

И, вроде, всё сказано по делу. Вот только есть одно "но": ПЦУ сегодня настоящие наследники Кунцевича, ничуть не хуже униатов. Это они ныне избивают священников и верующих Украинской православной церкви, это они выбрасывают на улицу престолы из захваченных храмов и молитвословы на церковнославянском языке...

Чего стоит один только случай с монастырём Рождества Богородицы в Черкассах. 20 ноября бандиты в камуфляже захватили этот монастырь. И слово "бандиты" тут ни разу не преувеличение. Они сломали священнику челюсть, нескольким людям отбили почки, покалечили, насельниц монастыря выгнали на улицу. Смотрю фото и видеок cadры этого побоища и думаю: на Укра-

ине людоповы из военкоматов на улицах ловят людей и отправляют на фронт умирать за интересы Запада, а почему эти быки не на фронте, а в тылу захватывают чужие святыни?

А сколько таких случаев по всей Украине? В декабре прошлого года вот такие скоты (прости, Господи, иначе о них сказать не получается) травили газом людей в кафедральном соборе в моём родном Ивано-Франковске, кувалдой выбивали двери собора в Белой Церкви, били верующих молотками в селе Задубровка под Черновцами... — случаев не счесть. При этом глава ПЦУ Сергей (Епифаний) Думенко или просто молчал, или награждал бандитов. По данным украинской Государственной службы по делам этнополитики и свободы совести, с начала СВО в ПЦУ переревели 884 храма. А людей в этих захваченных храмах нет. К примеру, на всеночном бдении Преображения в Трапезном храме отобранной у УПЦ Киево-Печерской лавры было аж пять человек. Когда Лавра принадлежала Церкви, на таких службах молились тысячи прихожан. Но пятеро — то ещё много. В захваченном соборе в честь Казанской иконы Божией Матери в Хмельницком на "службах" людей нет вообще. Как гласит народная мудрость: к пустому колодцу народ не идёт.

Что бы ни делали власти, как бы ни старались боевики нацистских бандформирований и раскольники из ПЦУ, ничего более, чем отобрать храмы, они сделать не могут. Они не могут понять простой истины: люди знают, где Христос, где Его Церковь.

Руслан КАЛИНЧУК

СРЕДИ СОВЕТСКИХ военно-учётных специальностей была специальность с аббревиатурой ССС — "Строительство специальных сооружений". Аббревиатура СВО в представлении не нуждается. Вместе они оказались в одном из районов на воссоединённых российских территориях. Речь идёт о неполовй медицине, а по сути — о медицине подземной: госпиталь располагается не в армейских палатках, а в подземных блиндажах с длинными коридорами между десятком больших помещений.

В этой местности типичный пейзаж — классическая новороссийская степь с ещё советскими лесопосадками от суховеев. Прямые, многокилометровые, уходящие за горизонт посадки перемежаются пятнами нерукотворного леса по редким крупным холмам и в долинах речушек.

От передовой вглубь нашей территории населённые пункты с частными домами совсем не сплошником, а населённые пункты городского типа с большими домами и хорошими подвалами — вообще редкость. Почти все крупные дома либо уже "сложжились" в результате прилётов, либо остались целыми, но не рекомендуются для размещения. Это совсем не густонаселённые некогда пригороды Донецка.

Наша подразделение располагаются в блиндажах в хотя бы минимально лесных фрагментах ландшафта. Довольно широкая посадка (а ещё лучше лощина) необходима, чтобы снизить видимость размещения наших бойцов со спутников и дронов противника. Разумеется, бойцы и командиры не питают иллюзий относительно полной секретности размещения, но противник хотя бы не может достоверно судить о численности бойцов в конкретном месте и в конкретное время, без чего ему невыгодно посылать неизвестно зачем в лес "химеру" за миллион долларов. Иногда над лесом пролетают "бабы-яны", дешёвые, с умеренным по мощности боекомплектом, нестрашным для блиндажей. Ещё раз следует подчеркнуть, что речь не о лесополосе шириной в несколько деревьев, а о чём-то более объёмном.

Блиндажи располагаются на значительном удалении друг от друга, специально для недопущения скученности. Расстояния даже побольше, чем расстояния между домами в зажиточной деревне с огромными присадебными участками. Только в лесу и под землёй. Маскировка такая, что с непривычки и особенно в сумерках не поймёшь, прошёл ли ты просто по лесу или случайно по крыше чьего-то жилища. У небольшого холмика вдруг может оказаться вход из брёвен, размером, чтобы пройти человеку, а внутри вполне комфортная комната для нескольких человек.

Строительство спецсооружений предполагает сочетание маскировки, надёжности от прилётов и относительной комфортности. В идеале блиндаж должен выдерживать попадание среднего калибра арты или приличной мины дрона. Конечно же, "химера" может разнести один блиндаж в щепки, но есть надежда, что противник не будет тратить то ли на блиндаж, то ли на просто холм миллион долларов.

Построить небольшой госпиталь — это как закопать в землю большой коттедж, точнее, коттедж с необычно длинными коридорами между комнатами. В такой "коттедж" для госпиталя можно войти с одной стороны, а выйти из него почти за сотню метров с другой, изрядно попетляв по коридорам между некоторым количеством комнат.

Не все живут в "коттеджных" условиях — такие только для медиков и раненых, поскольку там размещается не маленькое по габаритам медицинское оборудование, и совсем не нужно толкаться локтями при оказании первой медицинской помощи. Размеры одного из входов и коридоров таковы, что без проблем можно пронести раненого на носилках и даже разойтись с идущими навстречу. Второй выход по размеру автомобиля эвакуации, чтобы загнать автомобиль внутрь и уже в помещении грузить в него раненого. Есть ещё несколько комнат по размерам необходимого диагностического оборудования, приличные операционные, несколько палат для раненых.

Полевая хирургия до сих пор чаще всего ассоциируется с большой армейской палаткой, но такая палатка нисколько не спасёт при прилётах, а в холодные месяцы требует больше отопления, а это демаскировка. Другое дело блиндажи, которые выдержат "недорогой" прилёт, а топятся умеренными по расходу топлива буржуйками или тепловыми пушками. Здесь можно меньше опасаться за жизни медиков и раненых.

"Евроремонт" (тьфу, мягко говоря, на политиков Евросоюза за нахаку киевского ре-

РУБЕЖ СПАСЕНИЯ

Как живёт и работает подземный госпиталь

жима) помещений блиндажа предполагает покрытие стен и потолков древесно-стружечными плитами (ДСП) поверх брёвен. На пол кладётся половая доска — кладётся ровненько, на совесть (вот бы шлифануть и лаком, как в хорошем коттедже). Столь качественная отделка нужна для дорогого медицинского оборудования и стерильности операционных.

ГОСПИТАЛЬ РАССЧИТАН на оказание медицинской помощи для 30—40 человек в сутки с участка передовой длиной 30—40 километров. Прежде всего, легкораненым, которых на этой войне подавляющее большинство, а также раненым средней тяжести. Точнее, тем, кого при визуальном осмотре в ходе оказания первой медицинской помощи непосредственно на позициях посчитали легкоранеными, а в ходе диагностики в этом госпитале обнаружилось более серьёзное ранение. Предусмотрено на всякий случай и реанимационное оборудование. Именно на всякий случай, поскольку тяжелораненых сразу эвакуируют в стационарный госпиталь за энное количество километров вглубь нашей территории.

Начинается всё в подземном госпитале с приёмного отделения, точнее, сортировки, где врачи проводят первичный осмотр и сбор данных о бойце и ранении. Бойцы с лёгкими ранениями уходят (буквально, самостоятельно) по "малому кругу" подземных коридоров в перевязочную и затем на выход в соседние блиндажи. Бойцы с ранениями посерьёзнее поступают "по большому кругу" в "кабинет" диагностики, оборудованный рентгеном, УЗИ, ИВЛ. Далее расположены две операционных на три стола, каждая с мощными медицинскими светильниками, "комната" отдыха персонала и "палата" для прооперированных. Отдельно оборудованы блиндаж для готовки пищи и столовая, есть даже небольшая постирочная с полноценной стиральной машиной.

В каждом помещении имеется эвакуационный лаз на случай завала двух основных входов-выходов подземного госпиталя. Этот же лаз используется как вентиляция. Циркуляцию воздуха обеспечивают выведенные наружу сантехнические пластиковые трубы.

Подземные помещения госпиталя строит инженерный взвод, костяк которого составляют сельские жители — умельцы и опытейшие плотники. Основные объёмы земляных работ были выполнены мини-экскаватором, который привезли на несколько дней. К строительству иногда привлекают и медиков, в режиме субботников и даже больше.

Инженерный взвод отвечает только за стройку госпиталя, а блиндажи для себя бойцы строили сами, точнее, после мини-экскаватора. Степень удобств напрямую зависит от личной готовности к труду — кто-то готов вложить больше труда для личного комфорта, а кто-то ленится и довольствуется малым.

Ночью фонарики включать нельзя. Максимум — экран кнопочного телефона. Между деревьями звёзды просматриваются, но освещают они не особо, даже когда глаза привыкают к темноте. Частенько "звёзды" пролетают относительно быстро — так визуально воспринимаются дроны. Бывает, летят хвостатые "кометы", точнее, "химеры", чаще на Крым — наша ПВО сбивает их немного дальше. В облачную погоду ночью темненькая такая, что по малой нужде идёшь почти на ощупь, вспоминая про расположение соседних блиндажей.

Главное, на что бойцы сетовали, так это на нехватку толстых брёвен, именно толстых, чтобы делать блиндажи ещё крепче. Такие брёвна в дефиците ещё и из-за специфики редкой степной "зелёнки" в воссоединённых регионах — либо тополя, либо ещё относительно молодые сосны. К тому же и вырубать нельзя из-за демаскировки. Досок, сотого бруса, умеренно толстого кругляка — в достатке. Кстати, о толстых брёвнах: недавно прошла новость об аресте гендиректора фирмы, поставляющей древесину в зону СВО, и связанного с ним чиновника Минобороны.

УДАЛОСЬ ПОГОВОРИТЬ по душам с некоторыми бойцами медроты.

Нариман из Дагестана. Отец погиб на войне в 1999 году (посмертно ему присвоено звание Героя России). Детство в кадетской школе-интернате. Участвовал в парадах По-

беды на Красной площади в 2000-е годы. Поступил в медицинскую академию по инициативе мамы и сестры-стоматолога. Занимался бегом, готовился к марафону.

Работал ассистентом стоматолога три года. Приехал сюда, ожидая найти именно здесь своё место. Жена также стоматолог, родственники — военные.

Заходил в СВО через московский пункт на Яблочкова. Хотели отправить химиком. Сам хотел фельдшером. Подписал пятилетний контракт. Прошёл по полигонам, строил блиндажи. Уже думал, что медиком не получится работать. Наконец, перевели в медроту, начальником стоматологического кабинета. Должен быть передвижной, на автомобиле, но пока такого нет. Привёз свои стоматологические инструменты.

Сейчас работает на эвакуации раненых и в небольшом лазарете в полку на второй линии. На текущей позиции три месяца. Работа медиков в лазарете посуточно и даже по двое суток, в редкие часы сна спят на местах. Лазарет в блиндаже, который лично строил. За день экскаватор прорыл всё, что нужно. Затем брёвна, щиты привезли, своими руками таскали, устанавливали.

Удаляет зубы. Обычный стол, хирургическая простынь одноразовая стерильная, боксы для стерилизации, инструменты, куча перчаток. Есть аспиратор (для отсасывания слюны), переносная стоматологическая установка, необходимая для удаления корней зубов. Боксы меняет в госпитале — хирургия основного госпиталя помогает стерилизовать. Один раз было много гноя — как солдат терпел боль, непонятно (киста на верхней челюсти).

Жанна. Родилась в Кабардино-Балкарии, училась в мединституте в Черкесске и окончила ординатуру в Москве. Работала терапевтом и кардиологом на частных скорых и на выезде на дом. На 6 курсе три месяца в первую волну отработала волонтером в ковидном госпитале в реанимационном отделении, получила медаль и почётную грамоту президента В.В. Путина. В школе в выпускных классах хотела быть военным медиком, на первых курсах института тайком примеряла в магазинах военную форму.

В Москве была интересная, свободная, комфортная жизнь. Слышала рассказы про наших пленных, на СВО погиб близкий друг-однокурсник, ему посмертно присвоили Героя России. Решила оставить городскую суету. Считает, что врач должен быть смелым, — если спасти хотя бы одну жизнь наших ребят, то жизнь прожитая не зря. Из коллег и знакомых мало кто сначала одобрил её решение — зачем хрупкой девушке на войну?

Перед поездкой на Яблочкова помолилась Всевышнему. Её сразу взяли, поскольку медики нужны в принципе и тем более с активным настроем. Через два дня уже была в военном-патриотическом лагере "Авангард" в Кубинке. Не все прошли отбор — из её группы примерно половину отправили домой. Контракт сначала на два года, после "Авангарда" представитель Минобороны предложил на пять лет. Папе сообщила перед выездом в "Авангард", папа сказал маме. Потом были два полигона на Большой земле и в одном из воссоединённых регионов.

График работы — каждый день по 12 часов без выходных. При большом количестве раненых или в случае другой необходимости медики остаются на сутки. Работает дежурным врачом приёмного отделения. Первичный осмотр и опрос раненых, диагноз, сортировка, неотложная терапия. Для бойцов важно говорить, чтобы поддерживали морально, чтобы они сквозь усталость по-прежнему чувствовали свою значимость.

Был неизвестный солдат, у него только позывная на одежде, без документов, без жетона, без вещей, ночью, слепое осколочное ранение в голову с переломом теменной кости, кома, срочная эвакуация на Большую землю. Наутро пришли его сослуживцы, на госпиталь вышли родственники, два дня никто не мог его найти. Фельдшеров на эвакуацию попросили узнать, куда эвакуировали дальше, санитары в следующем госпитале рассказали про семью неизвестных бойцов. По специфике ранений выявили, кого куда отправили. Поразительно, но когда его нашли, он уже мог вставать, самостоятельно есть, узнал родных, только пока не говорит. Вероятность выжить после такого ранения оценивались в 10%.

Чечена из Республики Тыва. Работала в частной медицине в Кызыле, с 2020-го в Москве, в госпитале Вишневского. Дочь (21 год) учится на отлично в Бауманке на 3 курсе, будущий инженер-программист летательных аппаратов, сын 14 лет — в кадетском училище в Москве.

Чувство долга, патриотизма с детства. Бабушка, 1932 года рождения, работала в Великой Отечественной на воилочном производстве, шила одеяла. Старшая подруга бабушки в 1941 году прошла на лыжах двое суток от деревни до Кызыла, чтобы попасть на фронт. Чечена в 7 классе вместе с пятью одноклассниками прошла тем же маршрутом.

В Москве на улице раздавали буклеты — решила попробовать, с опаской, из-за возраста. На Яблочкова решение приняла за три дня. Сначала ошибочно была назначена снайпером, стояла перед автобусом на убытие в часть, общалась с мужчинами-снайперами. В самый последний момент прибежал представитель Минобороны и снял с автобуса. Через

Медик-стоматолог, не расставшийся с автомобилем, в двух километрах от передовой оказывает бойцу неотложную помощь

несколько дней уехала уже медиком в "Авангард". Прибыла в военную часть в символический день 9 мая, контракт подписан 11 мая.

Блиндажи не строила, но эти блиндажи чистила и в них живёт. Блиндажи на второй линии обороны, на первом этапе оказания помощи. Столько мышей никогда не видела, мыши везде, днём и ночью, в одежде, очень мышей боится. Блиндаж госпиталя был самым близким к брошенной и разукомплектованной легкой машине красного цвета. Целый день маскировали эту машину, а вечером пошли за водой — блиндаж поначалу не нашли, поскольку ранее ориентировались на эту машину и слишком хорошо её замаскировали. В госпитале по должности — операционная медсестра приёмно-сортировочного отделения, выполняет обязанности медицинского регистратора. Первая встречает раненых, которых закатывают в госпиталь эвакуация и санитары. Надо быстро оформить, узнать данные у тяжелораненых, которые не всегда могут внятно говорить. Опросник необходимо заполнить за несколько минут, включая личные данные, когда и при каких обстоятельствах получено ранение, поставить предварительный диагноз.

Однажды привезли раненого, похоже, земляка. При первичной регистрации выяснилось, что он также из Тывы, но СВО был буддийским ламой. Во время сильного обстрела случился инсульт. Быстрая правильная постановка диагноза, быстрая эвакуация на Большую землю, затем в Москву. Другой земляк был знаком ещё с "Авангарда", стал снайпером, а ранее был госслужащим, собирал мобилизованных. Ушёл на контракт, хотя трое детей. Две контузии и потеря зрения, один глаз уже восстановили, второй пока нет.

Мечта у Чечены — после СВО закончить получение высшего образования — два курса были в начале 2000-х годов в Петербурге в Российском государственном педагогическом университете имени Герцена, на клинической психологии. Ещё Чечена в "Авангарде" задавала вопрос советнику министра обороны, почему в научных роты не берут девушек, и этот вопрос советник отметил как самый важный из всего обсуждения (это мечта её дочери).

Кристина. С постовоецкого пространства, с очень известной в её республике фамилией, дочь и сын малого возраста. Высшее юридическое образование в Москве, говорит на че-

тырёх языках, не любит немецкий. Работала в Москве в сфере международных отношений, домохозяйка — не про неё.

Три года проработала юристом по уголовным делам. На одном из совещаний по юридическим вопросам поступило предложение поехать по контракту на СВО. Некоторые инстанции отказывали с формулировкой, что женщине не место на войне. Отучилась за свои деньги три месяца на медсестру, хотя в детстве никогда про медицину не думала. Яблочкова, "Авангард", два полигона — типично для всей команды медиков этого госпиталя.

Жила с бригадой медиков в блиндаже с мышками, которые падали с потолка, противник сам мышеловок. Выезжает за ранеными на передовую на эвакуацию. В госпитале живёт постоянно, работа почти круглосуточная, сон по 4-6 часов. Считает, что раньше училась бумажки перебирать и докапываться до каждого слова, теперь иная реальность. Единственный из основного специальности плюс — быстро схватывает виды медицинских документов, порядок их заполнения, степень секретности, хотя с ними по должности не работает.

Ухаживает за больными, делает уколы, ставит капельницы, наблюдает за состоянием, кормит, моет попы, обмывает раненых, стирает и сушит бельё. Гуманно относится к раненым, подбадривает, ведь и доброе слово лечит. Бойцы активно ухаживают, дарят не духи или шоколадки, а маленькие курьёзные вещи: три лимона, kilo соли или патроны.

Кристина несколько раз подчеркнула, что нисколько не мечтает окончить аспирантуру и защитить кандидатскую диссертацию (хотя кажется, что всё-таки мечтает). Хочет писать книги и растить много-много детей.

Поражает сплочённость команды медиков, особенно при большом потоке раненых. Каждый сам чётко знает, что делать, без суеты, лишних движений. Командный дух и сильный настрой дают возможность дружно отработать тяжёлую смену и спасти жизни наших бойцов. Особенно впечатляет, когда медики вдруг начинают возникать с разных сторон неизвестно из каких блиндажей — значит, поступил сигнал, что везут раненых, и работы у них сейчас станет много. Несмотря на большой поток, в строй возвращается около 90—95% раненых.

Геннадий ШАНГИН

Изборский клуб

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратегий

Вопросы стратег